

Мария Жарова

ПРАВИЛА
моего
ХАОСА

Мария Жарова

Правила моего хаоса

«Литнет»

2026

Жарова М.

Правила моего хаоса / М. Жарова — «Литнет», 2026

ОНИ ЗАКЛЮЧИЛИ СДЕЛКУ. ОН — ЧТОБЫ ВЕРНУТЬ ПРОШЛОЕ. ОНА — ЧТОБЫ ЗАБЫТЬ СВОЁ. НО САМЫЕ ОПАСНЫЕ ЧУВСТВА НАЧИНАЮТСЯ ТАМ, ГДЕ КОНЧАЮТСЯ ПРАВИЛА. Яна — виртуоз красивой лжи. Она создает для других безупречную жизнь в соцсетях: страстные признания, идеальные свидания, сияющие счастьем лица. В своей же реальности она давно объявила мораторий на чувства. Её сердце под надёжным замком, а лучший друг — кот Марсель. Всё меняет звонок. Новый клиент — Глеб Крымов, IT-магнат с репутацией циника и ледяным взглядом. Задача — не продвижение бизнеса. Задача — вернуть его бывшую жену. С помощью постов, писем и тонко спланированных «случайностей» Яна должна превратить его в образец раскаявшегося романтика. Задача неприятная, но гонорар решает все проблемы. Пока Яна не видит фото «бывшей». Это Вера — женщина-призрак из её собственного прошлого, живое воплощение старого унижения и боли. Теперь Яна должна сделать всё, чтобы эта идеальная картинка снова оказалась в его объятиях. Она пишет для него нежные тексты, учит его «правильно» скучать и случайно встречаться. Она становится режиссёром его личной драмы. И слишком поздно понимает, что влюбляется в главного героя. Но Глеб платит ей не за чувства. Он платит за результат. А Вера — не та, за кого себя выдаёт. За её безупречной улыбкой скрывается опасная тайна, способная разрушить всё. Сможет ли Яна остановить спектакль, который сама же поставила? Или её собственная роль в этой пьесе окажется самой трагичной?

© Жарова М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Глава 1

Моя квартира пахнет кориандром и остывшим кофе.

Этот запах — моя визитная карточка. Я пью кофе литрами, завариваю в турке, добавляю щепотку кориандра — бабушкин рецепт, который я ненавидела в детстве, а теперь считаю единственно правильным. Кофе должен быть горьким, обжигающим, почти невыносимым. Как жизнь. Как любовь. Как правда, которую я пишу для других, но не говорю себе.

Марсель спит на подоконнике, свернувшись калачиком, и даже не думает просыпаться. Кот — мой единственный мужчина, который никогда не предаст. Не потому что он верный. Просто потому что у него нет выбора. Он мурлычет во сне, и его пушистый бок мерно вздымается. Рядом с ним на подоконнике стоит моя любимая кружка — потрескавшаяся, с отбитой ручкой, но я не могу её выбросить. Её подарила мне бабушка, когда я поступила в университет. В ней есть что-то родное, уютное, домашнее. Как и запах кориандра.

Я сижу на кухне, смотрю в окно и прокручиваю в голове события вчерашнего дня. Очередная свадьба. Очередные идеальные фото. Очередная пара, которая через год разведется, но сейчас смотрит друг на друга так, будто они — центр вселенной.

Я создаю эти взгляды. Я пишу сценарии, подбираю ракурсы, монтирую эмоции. Я — кукловод чужого счастья. И мне это надоело.

Вчерашняя свадьба была особенно показательной. Жених — сын крупного чиновника, невеста — модель с обложки. Они смотрели друг на друга с таким восторгом, что я почти поверила. Почти. А потом, когда я монтировала видео, я заметила деталь: его взгляд скользил мимо неё, туда, где стояла её подружка. Невеста была красивой. Но он смотрел на другую.

Я не сказала никому. Это не входит в мои обязанности. Я должна создавать красивую картинку, а не расследовать чужие измены. Но внутри меня что-то сжалось. В который раз.

Пальцы сами собой потянулись к телефону. Я открыла приложение знакомств, полистала профили. Те же лица, те же улыбки, те же «ищу серьезные отношения». Я уже не верила. Ни одному из них. Ни себе.

Я закрыла приложение и допила остывший кофе.

Телефон звонит в тот момент, когда я допиваю вторую чашку. Экран светится знакомым именем. Лика. Лучшая подруга, которая знает меня лучше, чем я сама. И которая никогда не звонит просто так.

— Яна, привет, — голос Лики бодрый, как утренняя зарядка. — Ты чего не отвечаешь?

— Сплю, — вру я.

— Врешь, — она смеется. — Ты никогда не спишь по утрам. Вечно сидишь на кухне со своим дурацким кофе и смотришь в окно, как пенсионерка.

— Я обдумываю стратегию, — парирую я.

— Стратегию чего? — она фыркает. — Как пережить очередной день?

— Как заработать на квартиру на Патриках, — огрызаюсь я.

— О, это я одобряю, — голос Лики становится заговорщицким. — Слушай, у меня к тебе предложение. Очень денежное.

— Я вся во внимании.

— Один тип ищет контент-менеджера. Не для бизнеса. Для личных целей. Платят столько, что ты сможешь купить себе ту самую квартиру на Патриках. И не одну.

Я замираю с чашкой у губ.

— Личные цели? — переспрашиваю я. — Это новый эвфемизм для «создать красивый аккаунт для любовницы»?

— Нет, все серьезнее, — Лика понижает голос, хотя мы говорим по телефону и нас никто не слышит. — Ему нужно вернуть бывшую жену. С помощью соцсетей, писем, продуманных встреч. Полный комплекс услуг по возврату ушедшей любви.

Я ставлю чашку на стол. Кориандровый аромат смешивается с запахом вчерашней пиццы, которую я забыла убрать в холодильник. Марсель открывает один глаз, смотрит на меня с подозрением и снова закрывает.

— Ты в своем уме? — спрашиваю я. — Я не брачная контора. Я создаю контент. Красивый, качественный, продающий.

— А это разве не продажа? — парирует Лика. — Продажа образа. Раскайвшегоса, изменившегоса, всепонимающего мужчины. Он хочет нанять тебя, чтобы ты создала для него новый имидж. Тот, от которого бывшая не сможет отказаться.

— Это звучит мерзко.

— Это звучит как пятьсот тысяч. Плюс бонусы.

Я замолкаю. Пятьсот тысяч — это не просто деньги. Это свобода. Возможность не брать дурацкие заказы на свадьбы и юбилеи хотя бы полгода. Возможность написать что-то свое. Возможность выдохнуть.

— Кто клиент? — спрашиваю я, хотя уже знаю ответ. Лика не стала бы так загораться ради кого попало.

— Глеб Крымов.

Имя падает в тишину, как камень в воду. Глеб Крымов. IT-магнат. Миллиардер. Холодный, расчетливый, успешный. И совершенно одинокий, если верить слухам. Я видела его фото в деловых журналах — всегда в костюме, всегда с непроницаемым лицом, всегда один. Ни жены, ни детей, ни даже собаки.

— Тот самый? — переспрашиваю я, хотя знаю.

— Тот самый, — подтверждает Лика. — Встреча завтра в десять. Я уже все согласовала.

— Лика, нет! — я вскакиваю с табуретки так резко, что Марсель подпрыгивает на подоконнике и смотрит на меня с возмущением. — Я не могу работать с ним. Он же... он же мудака, судя по всему!

— Мудак с бюджетом, дорогая, — безжалостно парирует Лика. — С очень большим бюджетом. Ты же сама говорила, что хочешь сменить квартиру на что-то посвободнее. Вот и заработаешь на первый взнос. А его душевные мутивы — не наше дело. Наше дело — упаковать их в красивую обертку.

— Ты невыносима.

— Знаю. Поэтому ты меня и любишь.

Я делаю глубокий вдох. Потом выдох. Марсель, успокоившись, снова сворачивается калачиком и закрывает глаза. Его позиция ясна: не связывайся с этим типом.

Но я уже связалась. Мысленно — да. Потому что деньги решают всё. И потому что мне надоело быть кукловодом чужих счастья. Может, пора создать чье-то счастье по-настоящему?

— Ладно, — сдаюсь я. — Я встречу с ним. Но это ни к чему не обязывает.

— Конечно, конечно, — Лика уже торжествует, я слышу это по голосу. — Просто выслушай его. И надень что-нибудь... повеселее. Твой любимый серый свитер не катит.

— Что не так с моим свитером?

— Он похож на тот, в котором ходят бедные писательницы из французских фильмов. Ты не бедная писательница из французского фильма. Ты успешный специалист.

— Я специалист, который сидит в своей квартире с котом и пьет кофе с кориандром, — огрызаюсь я.

— Вот именно, — Лика смеется. — Поэтому надень что-то, что заставит его увидеть в тебе не просто контент-менеджера, а человека, который может изменить его жизнь.

— Ты драматизируешь.

— Я реалистка, — поправляет она. — Завтра в десять. Не опаздывай.

Она отключается. Я смотрю на экран телефона, где высветилось сообщение с адресом офиса Глеба Крымова. Башня на набережной. Стекло и бетон. Место, куда меня в обычной жизни не пустили бы даже на порог.

— Что скажешь, Марсик? — спрашиваю я кота.

Кот зевает, потягивается и спрыгивает с подоконника. Он неторопливо идет к своей миске и требовательно мяукает. Его позиция ясна: сначала покорми, потом думай о своих миллиардах.

Я насыпаю ему корм, наливаю свежую воду. Марсель ест с таким видом, будто делает мне одолжение.

— Ладно, — говорю я ему. — Завтра увидим, что это за зверь — Глеб Крымов.

Кот не отвечает. Ему все равно.

А я иду в спальню, открываю шкаф и начинаю перебирать вещи. Серый свитер, который Лика так не любит, висит на самом видном месте. Я провожу по нему рукой — мягкий, теплый, почти родной. В нем я могу быть собой. Но Лика права: завтра мне нужно быть не собой. Завтра мне нужно быть профессионалом.

Я достаю темно-синий костюм — единственную «взрослую» вещь в моем гардеробе, купленную для защиты диплома. Он все еще висит в чехле, как музейный экспонат. Примеряю. В талии маловат, в бедрах в самый раз. Я не изменилась за пять лет. Или изменилась, но не там, где надо.

Костюм сидит хорошо, но смотрится слишком официально. Я добавляю шелковый платок — подарок Лики с прошлого дня рождения. Яркий, с леопардовым принтом. Он оживляет образ, делает его менее строгим, более... женским, что ли.

— Сойдет, — говорю я своему отражению.

Отражение смотрит с сомнением.

Ночью я не сплю. Ворочаюсь, встаю, пью воду, смотрю в окно. Москва за окном светится тысячами окон. Где-то там, в башне из стекла и бетона, сидит Глеб Крымов. Интересно, он тоже не спит? Или ему все равно? Или он уже забыл, что завтра у него встреча с какой-то контент-менеджершей?

Я закрываю глаза. Передо мной возникают фото из журналов — его лицо, его костюмы, его холодные глаза. Он похож на робота. Или на человека, который разучился чувствовать.

— Я научу тебя чувствовать, — шепчу я в темноту. — Это моя работа.

Марсель, спящий у меня в ногах, вздыхает во сне. Ему снятся мыши. Или кошки. Или те консервы, которые я забыла купить вчера.

Утром я просыпаюсь от будильника. Марсель, возмущенный ранним подъемом, с точностью снайпера плюет в мой новый блокнот с надписью «Идеи».

Идея первая: уволиться.

Я вытираю тряпкой обложку, смотрю на кота. Он невинно умывается на подоконнике, залитом серым светом. За окном — привычная московская мгла. Ни солнца, ни дождя, только бесконечная, серая тоска.

— Предатель, — бурчу я, натягивая костюм.

Марсель делает вид, что не слышит.

В девять тридцать я уже стою у подножия башни из стекла и бетона. Она уходит в небо, и у меня кружится голова, когда я смотрю наверх. Внутри — мрамор, зеркала, охрана с серьезными лицами.

— Яна Осокина к господину Крымову, — говорю я девушке на ресепшен.

— Вас ждут, — отвечает она и провожает меня к лифту.

Лифт бесшумно поднимается на двадцатый этаж. Двери открываются, открывая вид на приемную, которая больше походит на зал современного музея. Минимализм. Хромированные детали. Панорамное окно во всю стену.

— Проходите, — секретарша ведет меня по коридору.

Я делаю глубокий вдох. Потом еще один. Запах дорогого парфюма и свежесваренного кофе. И никакого кориандра.

Дверь открывается.

— Яна Осокина, — объявляет секретарша. — К вам.

Я вхожу.

Кабинет огромный. Панорамные окна, вид на город, стол из светлого дуба без единой бумаги. И он. Глеб Крымов.

Он сидит в кресле, откинувшись на спинку, и смотрит на меня. Взгляд серых глаз — холодный, оценивающий, почти безразличный. Темные волосы, резкие черты лица, шрам на левой брови. Он не красив в классическом смысле. Он опасен. Как нож. Как лезвие. Как тот самый кофе, который я пью по утрам.

— Яна Осокина, — говорю я, протягивая руку.

Он не пожимает ее. Просто кивает на стул напротив.

— Садитесь.

Я сажусь. Подбираю юбку, выпрямляю спину. Смотрю прямо. Не сверху вниз — невозможно, он выше. Не снизу вверх — унинительно.

— Лика сказала, что вы лучшая в своем деле, — начинает он. — Что вы создаете эмоции.

— Я создаю контент, — поправляю я. — Который вызывает нужную реакцию.

— Близко enough, — уголок его рта дрогает. — Мне нужна реакция одной-единственной женщины. Ее зовут Вера. Моя бывшая жена.

Он поворачивает ко мне планшет. На экране — фото женщины. Светлые волосы, правильные черты лица, уверенная улыбка. Красивая. Идеальная. Такая, каких я ненавижу всю жизнь.

Сердце делает кульбит. Потом еще один. Мир замирает на секунду.

Я знаю эту женщину. Веру.

Она была в университете. На курсе старше. Идеальная студентка, идеальная девушка, идеальная... стерва, которая отбила у меня парня. Моего первого парня. Того, в которого я была влюблена по уши. Он ушел к ней, потому что она была лучше. Красивее, успешнее, увереннее. Она была всем, чем я не была.

А теперь я должна вернуть ее этому человеку.

Жизнь — отличная шутница.

— Что-то не так? — спрашивает Глеб Крымов.

— Всё в полном порядке, — я натягиваю на лицо маску профессионализма. — Просто оцениваю масштаб задачи.

Он смотрит на меня. Долго. Пристально. Как будто видит насквозь.

— Расскажите подробнее, — говорю я. — Что именно вам нужно?

Он откидывается на спинку кресла. В его глазах мелькает что-то — интерес? Любопытство?

— Мне нужно, чтобы вы создали для меня новый имидж, — говорит он. — Тот, от которого бывшая не сможет отказаться. Посты, письма, «случайные» встречи. Всё, что угодно.

— Вы хотите, чтобы она вернулась, думая, что это ее решение, — говорю я.

— Все лучшие решения кажутся людям их собственными, — парирует он.

Я смотрю на него. На его холодные глаза, на его идеальный костюм, на его шрам на брови.

— Я подумаю, как это сделать — говорю я.

— Думайте, — он встает. — Но быстро. Время не ждет.

Я выхожу из кабинета. Сердце колотится где-то в горле.
В голове одна мысль: на что я только что согласилась?
И вторая: зачем?
Деньги? Да. Но не только.
Мест? Возможно.
Или что-то другое. То, чего я боюсь признать даже себе.
Я сажусь в лифт, нажимаю кнопку первого этажа. Двери закрываются.
— Я согласилась, — шепчу я.
Лифт дергается и начинает спуск.
Первый шаг в пропасть сделан. Осталось только не оглядываться.

Глава 2

Профессионализм — это когда ты чувствуешь, как у тебя внутри всё сжимается в один маленький, холодный и очень тяжелый камень, а на лице при этом играет легкая, заинтересованная улыбка.

Именно такую улыбку я и изобразила, глядя на Глеба Крымова. На человека, который только что ткнул меня носом в мою старую, давно зарубцевавшуюся, как мне казалось, боль. И теперь ждал, что я начну танцевать под его дудку.

«Всё в полном порядке», — сказала я. Звучало правдоподобно. Надеюсь.

Он не отвел взгляда. Эти серые глаза, казалось, просвечивали меня насквозь, видя не деловой костюм и собранный пучок волос, а ту самую глупую девчонку из университета, готовую расплакаться от несправедливости. Ту, которая стояла в столовой с подносом в руках и смотрела, как ее парень уходит к другой. Ту, которая потом неделями не выходила из общаги, делая вид, что заболела. Ту, которая поклялась себе, что больше никогда никому не позволит так с собой обращаться.

И вот я здесь. С тем, кто хочет вернуть ту самую женщину. Ирония судьбы — жестокая штука.

— Хорошо, — наконец произнес он, откладывая планшет в сторону. Движение было резким, точным, как у хирурга, делающего разрез. — Суть проста. Мы в разводе два года. Причина — я был полностью поглощен работой. Не уделял ей внимания. Классическая история, ничего оригинального.

Он говорил о своем провале в браке так, будто разбирал неудачный бизнес-кейс. Без эмоций. Только факты. Даты, причины, следствия. Я слушала и думала: неужели можно быть настолько отстраненным от собственной жизни? Неужели он действительно не чувствует боли? Или просто научился её прятать?

— Сейчас обстоятельства изменились, — продолжил он. — И я пришел к выводу, что... это была ошибка. Расторжение союза. Нужно ее исправить.

— Исправить, — повторила я, чтобы выиграть секунду, пока мозг лихорадочно соображал. — И вы считаете, что путь к исправлению лежит через... инстаграм?

В его глазах мелькнула искорка. Не тепла. Скорее, холодного любопытства. Как у ученого, который заметил что-то интересное в исследуемом объекте.

— Через создание правильного нарратива, — поправил он меня. — За последние два года я не опубликовал ни одного личного поста. Мой профиль — это новости компании, технологические тренды, безликие поздравления с праздниками. По мнению моих... консультантов, это создает образ робота. Человека, неспособного на глубокие чувства. Что, в общем-то, недалеко от истины.

Он признался в этом так легко. «Неспособен на глубокие чувства». От этих слов по спине пробежал неприятный холодок. Я смотрела на него и видела не просто успешного бизнесмена, а человека, который, возможно, сам поверил в то, что говорит. Который убедил себя, что чувства — это слабость, а слабость — это риск. И теперь расплачивался за эту убежденность одиночеством.

— А вам нужно показать обратное, — сказала я, начиная понимать схему. — Раскаяние. Осознание. Изменение.

— Именно. Но не напрямую. Не письмами с извинениями. Это не сработает. Нужно... создать фон. Новую реальность, в которой я — другой. Где есть место не только коду и сделкам. Где я вспоминаю о том, что ей нравилось. Делаю это публично, но без прямого обращения к ней. Чтобы у нее возникло ощущение, что она сама всё поняла. Сама захотела вернуться.

Боже. Это было чертовски умно. И чертовски манипулятивно. Он хотел не извиниться. Он хотел создать для Веры иллюзию выбора, который на самом деле был тонко срежиссирован. Как режиссер, который выстраивает кадр так, чтобы зритель поверил в спонтанность происходящего.

— Вы хотите, чтобы она вернулась, думая, что это ее решение, — прошептала я, больше для себя, чем для него.

— Все лучшие решения кажутся людям их собственными, — парировал он. — Моя задача — подвести ее к нужной двери. Ваша — построить к этой двери красивый, убедительный коридор.

Меткая метафора. От этого стало еще противнее. Я строила коридоры. Коридоры из чужих слов и подобранных картинок. Из правильных ракурсов и отфильтрованных эмоций. Я была архитектором иллюзий. И этот человек только что заказал у меня самую дорогую иллюзию в моей карьере.

— И что будет в этом... коридоре? — спросила я, беря в руки блокнот, который на всякий случай сунула в сумку. Записывать — это всегда хороший способ скрыть дрожь в пальцах. Блокнот был новым, купленным накануне специально для этого проекта. Белые листы пахли типографской краской и возможностями. Или угрозами. Я еще не решила.

Он перечислил по пунктам, загибая пальцы. Каждый жест — отточенный, экономный. Ни одного лишнего движения.

— Во-первых, полный ребрендинг моих соцсетей. Новые фото. Не в офисе. На природе, с книгой, в путешествии. Какое-нибудь... хобби. — Он сделал паузу, будто само слово «хобби» было для него чужим. — Во-вторых, тексты. Не я, конечно, их писать не буду. Вы будете. От моего лица. Вспоминающие. Немного ностальгические. Без прямого упоминания, но с понятными для нее отсылками. В-третьих, серия «случайных» пересечений. Я предоставлю ее описание — благотворительный фонд, который она курирует, спортзал, любимое кафе. Вы разработаете сценарий, где наши встречи будут выглядеть как судьба.

Он говорил, а я записывала, чувствуя, как внутри нарастает тошнотворная волна. Это была не работа. Это была постановка. Целая жизнь, превращенная в спектакль для одной зрительницы. А я назначалась и драматургом, и реквизитором, и суфлером, и режиссером. Я должна была стоять за кулисами и дергать за ниточки, пока актеры произносят мои слова.

— Вы понимаете, что это требует полного погружения? — сказал он, прерывая поток моих мрачных мыслей. — Доступа ко мне. К моему графику. К... некоторым личным деталям. Конфиденциальность должна быть абсолютной. Никаких упоминаний в портфолио. Никаких разговоров с подругами.

Он посмотрел на меня. Взгляд стал тяжелее. Острее. Я почувствовала себя под микроскопом.

— Это не подлежит обсуждению, — добавил он.

— Я понимаю, — кивнула я. Голос звучал так, словно перестал быть моим. Чужим, плоским, профессиональным. — У меня есть один вопрос, господин Крымов.

— Глеб, — поправил он. — Если мы работаем над моей личной жизнью, формальности излишни. Какой вопрос?

Я отложила блокнот и посмотрела ему прямо в глаза. Выдержу ли? Не моргну? Внутри всё дрожало, но я заставила себя не отводить взгляд.

— Почему? — спросила я просто. — Почему именно сейчас? Прошло два года. Вы стали только успешнее. Женщин вокруг, я уверена, более чем достаточно. Зачем весь этот... спектакль?

Он не ответил сразу. Отвернулся, посмотрел в окно на раскинувшийся внизу город. Его профиль на фоне светлого неба казался высеченным из гранита. Твердым. Непробиваемым.

Но я заметила, как дрогнули его пальцы, лежащие на подлокотнике кресла. Едва заметно. На секунду.

— Женщин достаточно, — тихо согласился он. — Им нужны мои деньги, мой статус, мои связи. Им не нужен я. Точнее, я такой, какой есть. Вера... — он сделал небольшую паузу, подбирая слова. — Вера знала меня другим. Еще до всего этого. Когда я был никем. Она верила в меня тогда. А я... я ее недооценил. Посчитал, что она всегда будет ждать. Это была ошибка. Теперь я хочу ее исправить.

В его голосе прозвучала какая-то неуловимая нота. Почти сожаление. Почти боль. Искренняя? Или это тоже было частью нарратива, который он уже начал выстраивать в своей голове? Я не знала. Но в этот момент циник Глеб Крымов вдруг показался мне человеком. Очень одиноким. И очень упрямым.

— Хорошо, — сказала я, не в силах больше держать этот взгляд. Я опустила глаза на блокнот, на свои каракули. «Хобби». «Случайные встречи». «Судьба». — Я берусь за проект.

— Отлично, — в его голосе снова появилась та же деловая резкость. Будто и не было этой секундной уязвимости. Будто мне показалось. — Это стандартное соглашение о неразглашении и предварительный контракт. Гонорар, как обсуждалось. Плюс бонус по достижении результата. Все детали там. Изучите. Если всё устраивает, подпишите. Начало работ — с понедельника.

Он протянул бумаги. Я взяла их. Листы были тяжелыми, качественными. Пахли не чернилами, а деньгами и властью. Властью, которую он имел надо мной. Над моей жизнью. Над моими принципами.

— Мне понадобится доступ к вашим архивам, — сказала я, уже мысленно составляя список. Голос звучал ровно, будто я говорила о погоде. — Личные фото разных лет. Чтобы понять динамику. Что вы любили раньше. Что могла любить она. Еще... список мест, которые были для вас значимы. Хотя бы приблизительный.

— Договорились. Всё будет. Мой ассистент Дарина предоставит вам всё необходимое и будет вашим основным контактным лицом.

Он встал. Наш разговор был окончен. Я автоматически поднялась со стула, сунула контракт в сумку. Бумаги шуршали, напоминая о том, что я только что сделала.

— До понедельника, Яна, — сказал он, кивнув на прощание. И снова уставился в монитор, будто я уже перестала существовать.

Я вышла из кабинета, прошла по длинному белому коридору, зашла в лифт. Только когда двери сомкнулись и лифт рванул вниз, я позволила себе облокотиться на стену и выдохнуть. Длинно, с дрожью, с чувством, что из меня выпустили весь воздух.

Руки тряслись. Я сжала их в кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль помогала вернуться в реальность.

Что, черт возьми, я только что сделала? Я согласилась помочь человеку, который был для меня символом всего холодного и расчетливого, вернуть женщину, которая когда-то разбила мое и без того хрупкое самолюбие. За большие деньги.

Это был новый уровень самоуничтожения. Или изворотливости ума. Я еще не решила.

Лифт доставил меня в холл. Я вышла на улицу, и слепящее солнце ударило в глаза. Город шумел, жил своей жизнью. Люди спешили по своим делам, не зная, что только что произошло в башне из стекла и бетона. А у меня в сумке лежал контракт, который превращал меня в кукловода в чужой любовной драме.

Я достала телефон. Набрала Лику.

Она сняла трубку после первого гудка. Будто ждала.

— Ну? — в ее голосе звучало нетерпение.

— Я согласилась, — сказала я, глядя на поток машин. — Подпишу контракт.

— Ура! — крикнула она в трубку. — Я же говорила! Это же золотое дно! Ты не пожалей!

— Он хочет вернуть Веру. Ту самую Веру, Лик. Помнишь?

На том конце провода повисла тишина. Долгая, тяжелая. Я слышала, как Лика дышит, как думает.

— Блин, — наконец выдавила она. — Серьезно? Та самая стерва с экономического?

— Та самая.

— Охренеть, — искренне восхитилась Лика. — Ну, это... это даже лучше. Теперь у тебя есть личная заинтересованность. Мотивация.

— Какая, прости? — я не поняла.

— Ну как какая! Сделать так, чтобы у него ничего не вышло! Незаметно саботировать! Отомстить ей опосредованно! Это же гениально!

Я закрыла глаза. Лика видела мир как голливудский блокбастер — с погонями, взрывами и обязательной мстью в финале. Она не понимала, что реальность сложнее. Что в реальности месть не приносит облегчения. Что в реальности ты просто остаешься один на один со своей болью, и никто не аплодирует.

— Я не собираюсь мстить, Лика. Я профессионал. Я взяла заказ и выполню его.

— Да брось ты, — фыркнула она. — Ты же ее ненавидишь.

Ненавижу? Нет. Я ее боялась. Ее идеальности. Ее уверенности. Ее способности получать то, что она хочет, просто потому, что она этого заслуживает по праву рождения. Она была тем зеркалом, в которое мне не хотелось смотреть. И теперь мне предстояло сделать эту картинку в зеркале еще прекраснее.

— Это работа, — повторила я, больше для себя. — Просто работа.

— Ладно, ладно, — сдалась Лика. — Тогда празднуем! Идем вечером в «Виноград»? Отметим твой новый этап карьерного роста? За мой счет!

— Идем, — согласилась я. Потому что нужно было куда-то деть эту дрожь внутри. Залить ее просекко. Или придумать, как жить с тем, что я только что продала часть своей... чего? Души? Принципов? Или просто пошла на сделку с собственной гордостью?

Я положила телефон в карман и побрела к метро. В голове крутились обрывки фраз. «Создать нарратив». «Построить коридор». «Исправить ошибку».

И лицо. Лицо Глеба Крымова, когда он сказал: «Она верила в меня тогда». В его глазах на секунду промелькнуло что-то настоящее. Уязвимое. Человеческое.

Именно это и пугало больше всего. Потому что циника играть легко. А вот человека, который помнит, что такое боль... его играть опасно.

Для него. И для меня.

Я зашла в метро, в вагон, прижалась к стеклу. Отражение в темном окне было бледным, глаза слишком большими. «Яна Осокина, куратор чужих чувств», — подумала я с горькой иронией. «Та, кто пишет любовь для других, но не верит в нее для себя».

Вагон дернулся, поехал. За стеклом мелькала темнота тоннеля, сменяющаяся светом станций. Люди заходили, выходили, не глядя друг на друга. Мы все были одиноки в этом городе. Даже те, у кого есть миллиарды.

Звонок телефона вывел меня из оцепенения. Незнакомый номер. Я колебалась секунду, потом ответила.

— Алло? — осторожно сказала я.

— Яна, добрый день. Это Дарина Медникова, ассистент Глеба Игоревича, — произнес молодой, энергичный женский голос. — Пересылаю вам на почту подборку фотоматериалов за последние пять лет, как вы и просили. И хотела бы согласовать наше первое рабочее совещание. Глеб Игоревич будет завтра в городе только до обеда, потом улетает в Питер на два дня. Можете подъехать к десяти?

Работа началась. Не с понедельника. Сейчас. Сию секунду. Пока я еще не успела передумать.

— Да, конечно, — ответила я на автомате. — Я буду.

— Отлично. Жду вас. И... удачи.

Она положила трубку. «Удачи». Слово звучало как-то многозначительно. Будто она знала что-то, чего не знала я.

Я открыла почту на телефоне. Пришло новое письмо. Тема: «Архив для проекта «Возвращение». Я нажала на вложение. Папка с сотнями файлов начала загружаться. Фотографии, документы, сканы писем. Целая жизнь, упакованная в цифровой формат.

Первое фото, которое появилось на экране, было старым, немного размытым. Молодой Глеб, лет на пятнадцать моложе. Без шрама на брови. Он смеялся, обнимая за плечи ту самую, молодую Веру. У нее были такие же каре-зеленые глаза и беззаботная улыбка. Они выглядели счастливыми. По-настоящему.

Не так, как на тех фото, которые я делала для своих клиентов. Не постановочно. Не отрепетированно. А просто — счастливыми.

Мое сердце снова неприятно кольнуло. Я быстро выключила экран, убрала телефон в карман.

Куратор чужих чувств не должен в них влюбляться. Даже если это чувства на пятнадцатилетней фотографии. Особенно — на пятнадцатилетней фотографии.

Но первый шаг в эту пропасть был уже сделан. Осталось только не оглядываться.

Вагон вынырнул на поверхность. За окном мелькнул Кремль, золотые купола, серая Москва-река. Город, в котором я жила, который знала, который ненавидела и любила одновременно.

— Следующая станция — «Кропоткинская», — объявил голос из динамика.

Я вышла. Холодный ветер ударил в лицо, приводя в чувства.

Нужно было идти дальше. Жить дальше. Работать дальше.

Я достала телефон, нашла контакт Дарины. Написала: «Спасибо, файлы получила. Завтра буду. Еще раз спасибо за оперативность».

Ответ пришел через секунду: «Всегда пожалуйста. Хорошего дня!»

Хорошего дня. Будто он мог быть хорошим после всего, что случилось.

Я сунула телефон в карман и пошла к метро. В голове уже крутились первые идеи. Первые черновики постов. Первые сценарии «случайных» встреч.

Работа. Просто работа.

Я почти поверила в это.

Глава 3

Если в понедельник утром вселенная дает тебе знак, то, скорее всего, он гласит: «Останься в постели».

Мой знак был конкретнее и мокрее. Проснувшись от противного дребезжания будильника

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.